

АНАСТАСИЯ УГЛЯ

Осколки ПРОШЛОГО

— ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ —

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Правила нашей игры

Анастасия Угля

**Осколки прошлого.
Пять лет спустя**

«Автор»

2026

Угля А.

Осколки прошлого. Пять лет спустя / А. Угля — «Автор»,
2026 — (Правила нашей игры)

Я вернулась в город, который когда-то покинула разбитой девчонкой. Сыну четыре года, за плечами — пять лет борьбы, работы и надежды. Внутри — сталь. И твёрдая уверенность, что прошлое осталось там, за московской чертой. Но город помнит всё. И он тоже здесь. Тот, кто когда-то перевернул мою жизнь с ног на голову. Я не ищу встреч, не хочу возвращаться в старые игры. Я приехала строить будущее, а не ворошить пепел. Только вот прошлое почему-то не спрашивает разрешения. Оно приходит само — взглядом, случайной встречей, дрожью, которую невозможно спрятать. Я хочу верить, что стала сильнее. Но достаточно ли этой силы, чтобы выстоять, когда судьба снова сводит нас вместе? И готова ли я узнать правду, которую так долго прятала от самой себя? Это история о возвращении. О выборе. И о том, что некоторые нити не рвутся, даже если их резать.

© Угля А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Кира Раевская	5
Глава 2 Глеб Царёв	9
Глава 3 Кира Раевская	13
Глава 4 Глеб Царёв	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анастасия Угля

Осколки прошлого. Пять лет спустя

Глава 1 Кира Раевская

5 лет спустя

Самолёт коснулся полосы — глухой толчок, и сердце тут же подпрыгнуло к горлу.
Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Судьба дышит в затылок. Этот день — рубеж. Я возвращаюсь домой. Паспорт сухо сообщает: двадцать четыре. Но что ему известно? Пять лет назад я была испуганной девчонкой, которую штормило от любого сквозняка. Ломалась. Гнулась. Прячала слёзы в подушку. Теперь — иное дело. Теперь внутри меня звенит стальная пружина. Я стала крепче. Это не хвастовство, это правда. Страх? Да, он никуда не делся, свернулся где-то под рёбрами, но больше не командует парадом. Я научилась кусаться. Ровно так же больно, как когда-то кусали меня. Только теперь этот оскал — на крайний случай. Я не воевать прилетела. В прошлом мне отсыпали сполна. Я прилетела строить. С чистого листа, по кирпичику, в городе, который помнит меня босоногой девчонкой. За пять лет перевернулось всё...

— Дамы и господа! — голос пилота резанул тишину, ворвался в мысли, как луч прожектора. — Наш самолёт совершил посадку в аэропорту Санкт-Петербург. За бортом плюс двадцать шесть. Спасибо, что выбрали нашу авиакомпанию.

Двадцать шесть градусов. Питер встречает меня летним теплом. Хороший знак. Я отстёгиваю ремень, и по телу прокатывается жгучая, нетерпеливая волна. Ну здравствуй, город. Теперь — моя очередь.

Поворачиваю голову вправо — и улыбка расцветает сама собой. В соседнем кресле, пристегнутый, как маленький космонавт, сидит он. Мой сынок. Матвей. Мой персональный ангел с пшеничными вихрами. Уезжая отсюда пять лет назад, я была уверена: жизнь кончена. Разбита вдребезги. А потом — две полоски, как спасательный круг. Я узнала, что мне есть ради кого дышать. Отец и брат поддержали сразу, без лишних вопросов. Они и сейчас не знают настоящей причины моего бегства, но даже на расстоянии умудрились обнимать меня словами. Не давали забыть: я не одна.

— Сыночек, нам пора, — шепчу, нежно ероша его мягкие волосы.

— Мама, а кто нас встлечит? — он смотрит снизу вверх с той самой детской серьёзностью, от которой у меня каждый раз щемит сердце.

— Нас встретит дядя Кирилл с тётей Сашей.

— О, а Ломка будет? — ну конечно, про Рому сразу.

— Нет, милый, с Ромой увидитесь у бабушки, — улыбаюсь, беру его ладошку в свою, такую крошечную и тёплую.

Мой маленький человечек пока не дружит с буквой «Р», но мы старательно ходим к логопеду, и порой она уже проскальзывает — робко, как первый луч солнца. Сын у меня умница невероятная. Хотя, наверное, каждая мама так говорит. Но когда он подходит, обхватывает мою шею ручонками и прижимается всем своим маленьким телом, я точно знаю: у меня самый лучший ребёнок на свете.

Мы выходим из самолёта, благодарим стюардов и по телескопическому трапу вливаемся в шумный, гудящий муравейник аэропорта. Вокруг — гул голосов, дробь каблучков, чьи-то объятия и слёзы встреч. Мы движемся к зоне выдачи багажа. За спиной — пять московских лет, упакованных в пару чемоданов. Остальное едет следом транспортной компанией и прибудет

через пару дней — как запоздалое эхо прошлой жизни. А настоящая — вот она, начинается прямо сейчас. С этого шага. С этой маленькой ладошки в моей руке.

Два чемодана — большой, набитый под завязку, и маленький, с наклейками-динозавриками — послушно катятся рядом. Мы с Матвеем двигаемся к выходу, туда, где нас обещали встретить. Автоматические двери разъезжаются с тихим шипением, и я шагаю в шумную, солнечную зону прилёта.

И тут же замечаю её.

Сашка стоит с плакатом в руках, огромным, явно самодельным, где корявыми, но старательно выведенными буквами красуется: **«Раевская, с возвращением домой!»** Вокруг неё оборачиваются люди, кто-то улыбается. А сама Сашка, едва наши взгляды встречаются, начинает скакать на месте, размахивая своим шедевром так, что плакат хлопает на ветру, как парус. Выдумщица. Улыбка расплзается до ушей, и мне хочется хохотать в голос.

Матвей замечает дядю Кирилла первым. Его лицо озаряется такой чистой, щенячьей радостью, что у меня внутри всё переворачивается. Он срывается с места и бежит, лавируя между чемоданами и пассажирами, на весь аэропорт заливаясь звонким:

— Дядя Кир! Дядя Кир!

Кирилл приседает, подхватывает его в охапку и подбрасывает высоко вверх. Мой мальчик взлетает, раскинув руки, и заливается смехом — таким залиvistым, что прохожие невольно улыбаются. У меня сердце шемит от этого зрелища. Ему не хватает мужского плеча, мужских рук, мужского «давай, пацан, ты справишься». За пять лет у меня никто не появился. Отец приезжал, но редко, Денис тоже не мог вырываться часто. Крёстный Матвея, Артём, старался как мог, но два года назад он женился, а год назад стал отцом очаровательных двойняшек — Максима и Алисы. Своя семья, свои заботы. А мы с Матвеем — мы всё это время были вдвоём против целого мира.

Подхожу к Сашке и тут же проваливаюсь в её объятия — крепкие, жаркие, родные.

— Вот это встреча, — выдыхаю я, тихо посмеиваясь.

— Ну так, — она отстраняется, хитро подмигивает, — кого встречаем-то!

Кирилл аккуратно ставит сияющего Матвейку на ноги, а затем наступает моя очередь. Его руки смыкаются вокруг меня — братские, надёжные. Кирилл знал. Он единственный, кто знал всю правду, без прикрас, без утешительной лжи. Все эти годы, пусть и на расстоянии, он был моей жилеткой, моим спасательным кругом.

— Кирёнок, как я скучал, — шепчет он мне в макушку.

— Кир, мы виделись два месяца назад, — пытаюсь отшутиться, привычно пряча нежность за бронёй иронии.

— Язва, — беззлобно фыркает он, выпуская меня из объятий.

Я поднимаю на него глаза, улыбаюсь — и вдруг *замираю*. За его плечом, в толпе, движется силуэт. Мой призрак. Моё прошлое, которое, казалось, осталось в другой галактике.

Сердце бухает вниз, в пятки, а затем застревает где-то в горле. Улыбка сползает с лица, как осенний лист. Ладони мгновенно становятся влажными.

Там, в окружении охранника и каких-то людей в деловых костюмах, идёт *он*. Отец моего сына. Человек, подаривший Матвею эти глаза — серые, как грозовое небо перед бурей, глубокие, с металлическим отсветом. Глеб Царёв. Тот, кто когда-то превратил мою жизнь в пепел. Тот, кто растоптал моё сердце, даже не потрудившись оглянуться.

Я судорожно перевожу взгляд на Матвея — он, ничего не заметив, держит Кирилла за руку и что-то шепчет о самолёте. Затем снова смотрю туда, где только что был Глеб.

Пусто. Только чужие лица, чужие судьбы.

Облегчение накрывает горячей волной. Я шумно выдыхаю, чувствуя, как дрожат колени. Пронесло.

Ни Кирилл, ни Сашулька не заметили моего помертвевшего лица. И слава богу. Не хочу, чтобы Кир снова завёлся. Он когда-то пообещал мне — с абсолютно серьёзными глазами, без тени шуток — что если увидит Царёва, набьёт ему морду. Прямо при всех. И ведь набьёт. Я слишком хорошо знаю этот упрямый разворот плеч и желваки на скулах. Не сейчас. Только не сегодня.

Я выдыхаю — медленно, украдкой, словно выпускаю из лёгких ядовитый воздух прошлого. Подхватываю наши чемоданы, и мыдвигаемся к выходу.

На парковке пахнет разогретым асфальтом и летней пылью. Кирилл ловко закидывает наши вещи в багажник, а мы с Сашкой устраиваем Матвея в детском кресле. Сын немедленно прилипает носом к стеклу, болтает ножками и что-то тихонько напевает себе под нос — кажется, песенку из мультика.

Машина мягко трогается с места.

— Ну, как там жизнь в Москве? — Кир бросает на меня короткий взгляд в зеркало заднего вида.

— В вечном движении, — пожимаю плечами. — Но моя московская глава закрыта. Всё, возвращаюсь насовсем. Билет в один конец.

— Молодец, — Сашка оборачивается ко мне с переднего сиденья, и в её глазах — столько тепла, что щиплет в носу. — Давно пора. Мы тут без тебя скисли совсем.

— И я скучала, — голос чуть дрожит. — Без семьи жизнь и не жизнь вовсе. Так... существование.

Я отворачиваюсь к окну. Мимо проплывают бетонные ограждения, рекламные щиты, первые ленинградские сосны. А в голове — кадры пятилетней давности.

Москва встретила меня не парадными открытками, а колючим холодом равнодушия. Восемнадцать лет, ни души рядом, полная потерянности. Я сбежала, не сказав никому ни слова. Отец и Катя нашли только записку на кухонном столе — торопливую, скомканную. Кириллу и Артёму я отправила письмо курьером, прямо в офис, на всю команду. Денису — короткое смс. Трусливо? Возможно. Но тогда мне казалось, что если я скажу хоть слово вслух, то рассыплюсь на атомы.

Обижены были все. Кроме Кира и Тёмы. Эти двое — мои верные рыцари — через два месяца сорвались и приехали. Без предупреждения, без вопросов. А я к тому моменту уже еле держалась на ногах. Пустой взгляд, бледная кожа, ни сил, ни желания бороться. Я открыла дверь, увидела их лица — и мир поплыл. Помню только, как пол ушёл из-под ног, и темнота накрыла мягкой ватой.

Очнулась в больнице. Белые стены, запах лекарств, перепуганные лица парней. И слова врача — тихие, но оглушительные: «Вы станете мамой». Руки затряслись так, что я не могла удержать стакан воды. В голове — рой мыслей, паника, страх. Восемнадцать. Одна. Без поддержки. Но среди всего этого хаоса — одна мысль, ясная и твёрдая: я возьму на руки тёплый комочек. Мою частичку. И ради этого комочка я вывезу. Выгрызу. Выстою.

Машина качнулась на повороте, вырывая меня из воспоминаний. Впереди — город, который я когда-то покинула разбитой девчонкой. А возвращаюсь — матерью. Сильной. Способной за себя постоять. И за своего сына — в первую очередь.

Сорок минут дороги пролетели как одно мгновение. Машина плавно свернула с трассы на знакомую просёлочную улицу и замедлилась у кованых ворот. Тех самых, с витым узором, который я в детстве обводила пальцем, ожидая, пока папа их откроет. За воротами показался он — наш дом. Двухэтажный, с мансардой, с неизменной рябиной у крыльца и чуть покосившимся флюгером на крыше. Я смотрела на него и не могла оторваться.

На меня обрушилось всё разом. Лавина воспоминаний, от которых не спрятаться, не увернуться. Вот мне пять — я качаюсь на старых качелях, привязанных к толстой ветке яблони, и визжу от восторга, пока папа раскачивает меня всё выше. Вот двенадцать — мы с Денисом

носимся по двору, сцепившись в шутильной драке, орём так, что соседский пёс подхватывает лай. А вот тринадцать. Самый страшный год. Запах лекарств, гнетущая тишина в доме, мамины розы, которые в тот год никто не укрыл на зиму. Пустота, которая поселилась в груди и, казалось, не уйдёт уже никогда.

Четыре года мы жили втроём: папа, Денис и я. Четыре долгих года, когда в доме не звучал женский голос. А потом появилась Катя. Мне было семнадцать, я стояла на пороге взрослой жизни — колючая, недоверчивая, всё ещё носящая внутри незажившую рану. Она вошла в нашу семью тихо, без громких слов. Не пыталась заменить маму — просто была рядом. Варила чай с мятой, когда я рыдала в подушку после очередной подростковой драмы. Укрывала розы на зиму — те самые, мамины. Постепенно, шаг за шагом, дом снова ожил.

Жизнь этого дома пронеслась перед глазами, как старая киноплёнка — дёрганая, где-то выпцветшая, с тёмными провалами потерь и солнечными вспышками счастья. Родная до дрожи. Защемило под рёбрами так, что я не заметила, как перестала дышать.

Отмерла только когда дверь с моей стороны мягко распахнулась. Я вздрогнула, повернула голову — и утонула. В улыбке. В нежности. В морщинках вокруг глаз, которых пять лет назад ещё не было. Отец стоял у открытой двери машины и смотрел на меня так, словно я всё ещё та самая девчонка с разбитыми коленками, которая когда-то убежала из дома, не оглянувшись.

Я скосила взгляд на Матвейку. Он спал в детском кресле, приоткрыв рот, светлые ресницы чуть подрагивали. Устал, мой маленький путешественник. Не привык к таким долгим дорогам.

А потом я снова посмотрела на отца — и рванулась вперёд. Босоножки коснулись нагретой брусчатки двора, и в ту же секунду меня накрыло. Медвежьи объятия. Крепкие, жаркие, с запахом дома, табака и скошенной травы. Папа сжал меня так, словно боялся, что я снова исчезну. А я стояла, уткнувшись носом в его плечо, слушая, как где-то в глубине сада заливается соловей, и чувствовала, как по щекам катятся горячие, совершенно беззвучные слёзы.

Я вернулась. По-настоящему вернулась. Дом всё помнит. И мамины розы цветут. И я помню. Теперь — новую жизнь строить.

Глава 2 Глеб Царёв

Стоило трапу самолёта коснуться земли, как в груди что-то заняло. Не отпускало. Странное, липкое, необъяснимое чувство — словно внутри натянули невидимую струну, и теперь она противно вибрирует, не замолкая. Очередная командировка позади. Всё должно быть как прежде: привычный ритм, чёткий график, любимая работа. Но что-то не так. Что-то выбилось из паза — и фонит, фонит...

Сию в кабинете. Передо мной разложены чертежи — гостиница для турецкого бизнеса, амбициозный проект, которым я, по-хорошему, должен гореть. Но линии плывут, сливаются в одну мутную полосу. Я вглядываюсь в эскизы, а вижу совсем другое. Сосредоточиться не выходит. Мысли разбегаются, как стая испуганных птиц. Чертовщина какая-то.

Сжимаю переносицу. Выдыхаю. Нажимаю кнопку внутреннего телефона.

— Ирина Анатольевна, приготовьте, пожалуйста, кофе. Покрепче.

— Хорошо, Глеб Валентинович, — отзывается секретарь с неизменной деловой интонацией.

Откидываюсь в кресле, поворачиваю голову к панорамному окну. За стеклом — серое питерское небо, такое же хмурое, как мои мысли. Кабинет старшего архитектора в компании отца. Престижно, солидно, всё, о чём мечтал когда-то. Добился. Построил. Выгрыз.

События пятилетней давности я не вспоминаю. Почти. Давно приказал себе забыть. Но иногда — вот как сейчас — из тёмных закоулков памяти всплывает образ. Лицо. Та, что разорвала моё сердце в клочья. Без жалости, без объяснений. Я гоню это видение прочь — жёстко, как надоедливую муху. Не смей. Закрыто. Моё сердце на замке с того самого дня.

Со стороны, наверное, всё выглядит идеально. Успешный архитектор, наследник семейного бизнеса. А ещё у меня есть жена. Красивая, ухоженная, статусная. Чем не счастливый человек? Только я об этом подумал.

Дверь кабинета распахивается с грохотом. Без стука, без предупреждения.

— Дорогой, а ты почему не заехал домой? — летит с порога пронзительное, без всякого «здравствуй».

Я медленно, очень медленно поворачиваюсь в кресле. Начинается.

— Привет, Яна. У меня работы по горло, — выдыхаю я, не поднимая глаз от чертежей. В висках уже начинает противно пульсировать.

— Глеебушка... — её голос тянется, как липкий сироп. — Я так соскучилась.

Она движется ко мне через весь кабинет — грациозно, словно по подиуму. Каблуки цокают по паркету, безупречная укладка, идеальный костюм. Красивая женщина. Очень красивая. Я смотрю на неё и в сотый раз задаюсь вопросом: чем я, чёрт возьми, думал, когда говорил «да»? А ничем. Именно так — ничем. Отключил мозги, поддался давлению, обстоятельствам, да хоть чему. Только не себе.

Она не глупа — нет, с мозгами у неё порядок, иначе не управляла бы собственным бизнесом так лихо. Но мы с ней смотрим в разные стороны. Даже не так — в разные вселенные. Она упорно делает вид, что не замечает очевидного, потому что ей так удобно. А меня тошнит от этого «удобно». Я не хочу жить в театре абсурда, где каждое утро мы надеваем маски и делаем вид, что у нас всё прекрасно.

Она обходит кресло, её ладони опускаются на мои плечи. Пальцы с идеальным маникюром легонько сжимают мышцы. Меня передёргивает — едва заметно, но она предпочитает этого не замечать.

— Ян, вот скажи... тебе не надоело? — цежу сквозь зубы.

— Не надоело что, котик? — мурлычет она мне в самое ухо, обдавая запахом дорогих духов.

Всё. Финиш. Стоп-кран сорван. Чаша моего терпения — та самая, что наполнялась годами, — перелилась через край и с грохотом обрушилась на пол.

— Яна, блять! — рывкаю так, что она отшатывается.

Я резко вскакиваю с кресла, сбрасывая её руки, как что-то липкое и неприятное. Делаю шаг в сторону, запускаю пальцы в волосы.

— Я сто раз тебе говорил: хватит играть! Хватит! Что непонятного в том, что из нас не вышло пары, где оба любят друг друга? Я не собираюсь прямо сейчас бежать за разводом, но не лезь ко мне! Не делай вид, что у нас всё нормально! Ясно?! Я уже не знаю, как до тебя донести: Я. Не. Люблю. Тебя.

На секунду в кабинете повисает тишина. Звонящая. Я тяжело дышу, пытаюсь успокоиться. А она... она смотрит на меня с выражением снисходительной заботы, как на капризного ребёнка.

— Глебушка, ты просто устал после перелёта. Не заводись. — Её голос мягкий, почти ласковый. — Я вот что подумала... нам нужен ребёнок. Он укрепит наш брак.

Я открываю рот, чтобы сказать, что она ебанулась, но она уже вскидывает ладонь — царственным жестом, останавливая меня на полуслове.

— Тсс, ничего не говори сейчас. Поговорим потом. А я поехала по делам.

Проходит мимо меня, небрежно похлопывает по плечу — как дрессированного пса. Дверь за ней закрывается с мягким щелчком.

Я стою как громом поражённый. Какой, к чёрту, ребёнок? Блять. Блять. БЛЯТЬ. Как же меня всё это достало! Смотрю на закрытую дверь, и в голове — каша из злости и недоумения. Зачем мне этот брак? Ей-то он зачем? У неё, сука, любовник есть — мои люди докладывают исправно, слежка ведётся уже полгода. Она прекрасно знает, что я в курсе. И при всём при этом приходит сюда и втирает мне про «укрепить брак ребёнком».

Я, кажется, погорячился насчёт того, что у неё есть мозги. Забудьте. Никаких мозгов там нет. Совсем. Абсолютный вакуум, прикрытый дорогими духами и голливудской улыбкой.

Я тяжело опускаюсь обратно в кресло. Голова, и без того гудящая после перелёта, теперь пульсирует с новой силой — мерзко, настойчиво, в такт сердцу. Смотрю на разбросанные по столу чертежи и понимаю: всё. Не вытяну. Линии не просто плывут — они издеваются надо мной. Ни одной дельной мысли.

Откидываюсь на спинку, прикрываю веки. Хоть на минуту отключиться от этого дурдома. Тихий стук в дверь.

— Войдите! — рывкаю, не открывая глаз.

Каблуки Ирины Анатольевны цокают по паркету — осторожно, почти неслышно. На стол опускается чашка с кофе. Аромат — густой, горьковатый — щекочет ноздри. Раньше бы вдохнул с наслаждением, а сейчас даже на это сил нет. Дверь закрывается с мягким щелчком. Тишина.

Я так и сижу с закрытыми глазами. Кончился. Выжат до дна. Ни на работу, ни на жену, ни на эту чёртову жизнь — ничего не осталось. Просто пустота. Тянусь к чашке вслепую, делаю глоток. Обжигающий кофе прокатывается по горлу, и на секунду — всего на одну крошечную секунду — отпускает. Тепло разливается в груди, отгоняя мерзкий холодок, поселившийся там с утра.

Внутренний телефон раздражается трелью.

— Глеб Валентинович, — голос секретаря звучит осторожно, — к вам Владислав Валентинович. Пропустить?

— Пусть зайдёт, — выдыхаю я, уже предчувствуя, что покой мне только снился.

Дверь распахивается — и на пороге возникает брат. Не весёлый. Даже не просто хмурый. Злой. Такой злой, что желваки на скулах играют, а в глазах — штормовое предупреждение.

— Ну что ж, братишка, — он проходит к столу, плюхается в кресло напротив. — Пришёл к тебе с новостью.

Я напрягаюсь мгновенно. Спина выпрямляется сама собой.

— Что, блять, ещё случилось?

— Разосрался окончательно с отцом. И сваливаю я из стен этой компании. В свободное плавание.

Я выпадаю в осадок. Просто смотрю на него и не могу слова выдавить. Влад — и уходит? Из компании, которую строил годами, в которую вложил столько, что иному на три жизни хватит? Но уже через секунду в груди разливается тепло — совсем другое, не от кофе. Радость. Чистая, неподдельная. Хоть кто-то вырвется из железной хватки нашего дражайшего батюшки. Хоть кому-то хватило духу.

— Ухххх... — выдыхаю я, качая головой. — И куда теперь?

— Да не переживай ты, — Влад откидывается в кресле, и в его взгляде впервые за весь разговор мелькает что-то похожее на азарт. — Слышал про Арсения Вяземского?

Я хмыкаю.

— Шутишь? Гениальнейший адвокат по уголовному праву. Легенда, а не мужик. Но ты же по уголовному не специализировался.

— Не специализировался, — кивает он. — Но он открывает новый офис и ищет партнёров. По экономическим преступлениям уже нашёл кого-то — девушка какая-то. Говорит, у неё последнее дело было — охренеть какое громкое. Подробностей пока не знаю, не вникал. А я договорился, что возьму на себя гражданское и административное право. Сам прикинь: Арсений занимается убийствами, тяжкими преступлениями — ему нужен широкий спектр услуг, чтобы клиентов не терять. У него будет пятьдесят процентов, у нас с этой девушкой — по двадцать пять. Честно. Я считаю, справедливо.

Он замолкает, глядя на меня в ожидании реакции. А я смотрю на брата — и впервые за этот бесконечно длинный, дерьмовый день чувствую что-то, отдалённо напоминающее надежду. Хоть у кого-то жизнь разворачивается в правильную сторону.

Брат ушёл так же стремительно, как и появился — только воздух за ним закружился. У него теперь забот полон рот: передать все дела своему заму, разрулить бумажный ад, который копился годами. А я... я вернулся к работе. Вернее, попытался.

За чертежи так и не взялся — не тот день, не то состояние. Но проверить документацию по проекту, вычитать договоры, пройтись красной ручкой по сметам — это я смог. Рутинная, спасительная, монотонная, она хоть как-то заглушала шум в голове. Цифры, пункты, подпункты. Строчки больше не плыли.

Когда я наконец оторвался от бумаг и бросил взгляд на часы, стрелки показывали пять вечера. Ехать домой? К Яне? К её «котикам», мурлыканью и гениальным идеям о ребёнке? Ну уж нет. Сегодня — точно нет. И без того на пределе.

Я достаю телефон и открываю чат. Наш. Тот самый, где мы все ещё остаёмся собой, несмотря на прожитые годы и нажитые семьи.

Глеб: «Здарово, парни! Давайте сегодня завалимся в какой-нибудь бар? Отпроситесь у своих жёнушек, мои ж вы каблучки #####»

Ответ прилетает мгновенно — будто все только и ждали повода.

Ян: «Я сегодня могу, моя у родителей»

Макс: «Я в целом тоже, Ангелок отпустила к её братику»

Дам: «Парни, я подвалю, но ненадолго!»

Усмехаюсь, глядя на экран. Пять лет — целая вечность. Когда-то мы были просто компанией холостяков, готовых сорваться куда угодно в любое время суток. Теперь... Дамир — женат. Два года как. И на ком — на Лизе! Лучшей подруге той, чьё имя я запретил себе даже мысленно произносить. У них сын, полтора года, счастливые, настоящие. Макс — вот уж пово-

рот — теперь мой зять. Их с моей сестрой мелкому скоро год, а я до сих пор не могу привыкнуть, что этот оболтус называет меня «шурин». Ян пока держится — не женат, но уже год как с девушкой, полгода живут вместе. Дело явно к тому идёт.

Собираемся мы теперь реже. Работа, дома, семьи, дети — всё это разбросало нас по разным орбитам. Но сегодня мне это нужно как воздух. Разговор с парнями. Без масок, без притворства, без светских улыбок. Просто свои. Просто в баре. Просто выдохнуть этот бесконечно длинный, дерьмовый день.

Глава 3 Кира Раевская

На кухне пахнет ванилью, свежей зеленью и чем-то умопомрачительно мясным — мы с Сашей помогаем Кате колдовать над ужином, и у меня в кои-то веки на душе тихо. По-настоящему тихо. Из распахнутого окна доносится залиvistый детский смех и басовитый голос папы — там, во дворе, они с Кириллом гоняют мелких, и судя по визгам, Матвейка в полном восторге.

Как же хорошо дома.

Папа с Катей расстарались на совесть. Детская для Матвея — это просто мечта, сошедшая с экрана ноутбука. Всё, о чём он когда-то лепетал деду по видеосвязи или шёпотом, когда тот приезжал к нам в Москву, — всё воплощено. Космический потолок со звёздами, кровать-машинка, полки с книгами, о которых он только заикался. Дед — волшебник, и точка.

А моя комната... моя комната осталась нетронутой. Заходишь — и замираешь. Ничего не изменилось: те же шторы, тот же письменный стол, даже книги на полках стоят в том же порядке. Словно время замерло и ждало меня. За это Кате и папе отдельное, огромное, до щиплющего носа спасибо. Они сохранили мою нору. Мой островок.

Я машинально бросаю взгляд в кухонное окно, выходящее во двор, — и застываю с полотенцем в руках. Автоматические ворота плавно разъезжаются, пропуская во двор знакомый автомобиль. Сердце подпрыгивает.

Денис. Братик.

— Сашка, Дэн приехал! — выкрикиваю я, уже срываясь с места.

Я вылетаю из кухни, проношусь коридором, распахиваю входную дверь и выскакиваю на крыльцо — и чуть не спотыкаюсь на бегу. Замираю.

Ничего себе.

Это не просто Денис. Это целый десант. Машина уже пустая, а рядом с братом стоят Руслан, Мишка, Мирон — все, кого я не видела целую вечность. Только Тёмки нет, но я знаю: он сейчас не в городе, приедет послезавтра. И правильно приедет — повод грандиозный: юбилей нашего отца. Ради такого стоило собраться всей оравой.

На секунду я застываю, впитывая эту картину: они стоят во дворе моего детства — выросшие, возмужавшие, родные до мурашек. А потом ноги сами несут меня вниз по ступенькам, и я с разбегу влетаю в объятия брата. Крепкие, жаркие, сгребавшие в охапку так, что рёбра трещат.

— Кирюха, — выдыхает Денис куда-то мне в макушку, и я чувствую, как его голос вибрирует в груди. — Дома.

И я окончательно, бесповоротно понимаю: да. Дома. По-настоящему.

Я мягко отстраняюсь от брата, а он не отпускает — берёт моё лицо в свои широкие ладони, большими пальцами невесомо, почти нежно стирает мокрые дорожки с моих щёк. Молча. Без лишних слов. Так, как делал в детстве, когда я приходила к нему с разбитыми коленками.

За его спиной — тишина. Парни застыли. Я ловлю их взгляды — странные, нечитаемые, какой-то коктейль из шока, узнавания и ещё чего-то, чего я пока разобрать не успеваю. И тут Руслан не выдерживает:

— Так вот что за сюрприз! — вырывается у него так громко и искренне, что я вздрагиваю от неожиданности.

Мирон тут же подхватывает, пихая Дэна в плечо:

— Ну ты, блин, конспиратор! Мог бы хоть намекнуть, что сеструха возвращается!

А потом вперёд выступает Мишка. Смотрит на меня так пристально, чуть склонив голову, и на его лице — искреннее, почти мальчишеское восхищение. Он разглядывает меня, словно видит впервые, и наконец выдыхает:

— Кира... охренеть, какая ты стала!

Я приподнимаю бровь, пряча улыбку, и решаю его немножко подразнить. В конце концов, имею право — столько лет не виделись.

— Какая, Мишань? — спрашиваю лукаво, чуть склонив голову к плечу.

Он на секунду теряется, краснеет даже, кажется, но тут же расплывается в улыбке и честно, без прикрас выдаёт:

— Да я бы не узнал тебя, пройди ты мимо. Совсем другая стала. Повзрослела. Похорошела — сил нет.

— О, Мишка комплименты раздаёт, пиши-пропало, — фыркает Руслан, и все взрываются хохотом.

А я стою посреди этого гвалта, посреди их голосов, подначек и тёплых взглядов, и чувствую, как внутри разливается что-то щемяще-счастливое. Мои мальчики. Мои верные рыцари. Все приехали. Все собрались. Как раньше. Почти как раньше — только теперь я другая. И жизнь другая. И всё только начинается.

И тут тишину двора пререзает звонкий, как колокольчик, детский голос:

— Динь-Динь приехал!

Я оборачиваюсь — и сердце пропускает удар от умиления. Мой Матвейка несётся через весь двор, размахивая руками, как маленький самолётик. Ножки в кроссовках мелькают так быстро, что кажется — сейчас взлетит. Глаза горят, светлые вихры разлетелись в разные стороны, а на лице — такая чистая, незамутнённая радость, что у меня ком в горле встаёт.

Денис смотрит на него — и расцветает. Улыбка до ушей, все тридцать два зуба наружу. Он приседает, расставляет руки, и в следующую секунду Матвейка с радостным визгом влетает в его объятия. Брат подхватывает мелкого и — р-р-раз! — подбрасывает высоко в воздух. Мой сын взмывает над землёй, раскинув руки в стороны, и заливается таким счастливым хохотом, что даже птицы с рябины срываются.

— Как ты вырос, Матвейка! — говорит Денис, прижимая его к груди и с притворной строгостью заглядывая в лицо.

Матвей, всё ещё тяжело дыша после пробежки, вдруг становится очень серьёзным. Сводит бровки, расправляет плечи — вылитый деловой человечек — и выдаёт с той неповторимой важностью, на какую способны только четырёхлетние мужчины:

— Динь-Динь, я уже взрослый!

«Р» всё ещё даётся ему с трудом, но сегодня — вот прямо сейчас — она почти прозвучала. Почти чистая, почти взрослая, почти как надо. Я переглядываюсь с Денисом, и мы оба прыскаем от смеха — тихо, украдкой, чтобы не обидеть этого серьёзного господина.

— Взрослый, конечно, — соглашается брат, легонько щёлкая его по носу. — Только «взрослый» пишется через «эр». Скажи: р-р-р-рослый.

— Л-л-лослый! — старательно выговаривает Матвей и сам морщится от результата.

Парни за нашей спиной грохают смехом — тепло, беззлобно. А я смотрю на эту картину и чувствую, как внутри разливается что-то огромное, светлое, почти забытое. Семья. Мой сын смеётся в руках моего брата. Мои друзья — вот они, рядом. Дом — настоящий, живой, тёплый — обнимает нас со всех сторон.

Мы всей гурьбой заваливаемся в дом — шумно, весело, с хохотом и толкотнёй в дверях, как в старые добрые времена. В воздухе витает одуряющий аромат: Катя с Сашкой уже почти накрыли на стол, и судя по запахам, ужин обещает быть грандиозным. Денис с парнями не подкачали — притащили огромный, килограммов на десять, полосатый арбуз, который тут же

занял почётное место в центре стола. А к нему — гору всяких вкусностей для детей: мармелад, фрукты, сок, печенье с предсказаниями. Малыши уже крутятся вокруг, как пчёлы над ульем.

Я оглядываю эту картину и невольно усмехаюсь: наш дом плавно, но уверенно превращается в филиал детского сада. Моя младшая сестрёнка Оленька — Катя назвала дочь в честь мамы, и у меня каждый раз сердце сжимается от этого тихого, светлого жеста — носится между взрослыми с бантом на макушке. Ромка, сын Саши и Кирилла, что-то деловито объясняет Матвейке, размахивая игрушечным самолётиком. А их крошечная Викуля, которой только-только исполнилось два, сидит на руках у Кирилла и сосредоточенно ковыряет пальчиком его нос. Четыре ребёнка. Четыре маленькие вселенные под одной крышей.

Я перевожу взгляд на Дениса. Мой брат сидит рядом, довольный, расслабленный, и с умилением смотрит на всю эту детскую суету. И тут меня накрывает.

— Денис Дмитриевич, — начинаю я вкрадчиво, разворачиваясь к нему всем корпусом и добавляя в голос максимальную ехидцу, — подскажите мне вот какую вещь... а когда мы на свадьбе вашей гулять будем?

У брата глаза становятся круглыми, как блюдца. Нет, не так — как два чайных блюдца с ободком. Он замирает с открытым ртом, и на его лице проносится целая гамма эмоций: от шока до тихой паники. Прямо вылитый человек, который действительно тайно женился и теперь судорожно придумывает, как признаться.

— Кира, ты перегрелась? — выдавливает он нервно и тянет пальцем за ворот футболки, будто тот стал ему вдруг маловат.

Я не упускаю момента. Поворачиваюсь к отцу и с самым невинным выражением лица добиваю контрольным в голову:

— Так-так-так... Пап, я бы на твоём месте проверила его паспорт. А вдруг там уже штамп стоит? О браке? Или того хуже — дети вписаны.

За столом повисает театральная пауза. Все взгляды скрешиваются на Денисе. А он... Он сглатывает. Да так громко, с таким характерным булькающим звуком, что слышат абсолютно все. Этот звук — громче всяких слов.

— Дэн! — хором выдыхают Сашка и Катя.

— Ну-ка, ну-ка, — папа откладывает вилку и медленно, очень медленно поворачивается к сыну. В его глазах загорается тот самый опасный огонёк, который не предвещает ничего хорошего.

А я откидываюсь на спинку стула, скрешиваю руки на груди и с торжествующей улыбкой наблюдаю за братом. То-то же, Дениска. Попался.

— Так, семейство! — Денис хлопнул ладонью по столу и обвёл всех взглядом, в котором причудливо смешались мольба, угроза и лёгкая паника.

— Не надумываем ничего! Я вам расскажу, что происходит в моей жизни, когда сам разберусь. Расскажу всем и сразу! Честное слово!

Он резко развернулся ко мне, прищурился и ткнул в мою сторону указательным пальцем, изображая сурового старшего брата:

— А ты, козочка мелкая, не лезь в дела старшего. Поняла?

Я фыркнула — так громко и искренне, что сидящий напротив Мишка поперхнулся соком.

— Ой, больно надо! — отмахнулась я и рассмеялась, глядя в его насупленное лицо. — Ладно, Дениска. Никто на тебя не давит. Как захочешь — расскажешь. А не захочешь — будем мучить тебя вопросами каждые полчаса. Идёт?

— Умница! — выдохнул он с явным облегчением, но тут же задумался, будто переваривая мою последнюю фразу. Потом мотнул головой и переключился: — Ну а теперь ты рассказывай. Какие планы? На новую жизнь? Раскрывай карты, сестрёнка, ты же явно не просто так вернулась.

Я откинулась на спинку стула, обвела взглядом всех сидящих за столом — родные лица, выжидательные улыбки — и решила, что скрывать нечего. Тем более от своих.

— Ну... завтра с утра у меня деловая встреча. Не знаю, слышали или нет — Арсений Вяземский.

Эффект был мгновенным. Все как по команде активно закивали. Ещё бы — кто в юридическом мире не знает Вяземского? Легенда. Человек, который вытаскивал, казалось бы, безнадежные дела. Гроза прокуроров и любимец прессы.

— Так вот, — продолжила я, чувствуя, как внутри просыпается знакомый профессиональный азарт, — он расширяется. Открывает новый офис и ищет партнёров. Да, вложения не маленькие, — я сделала паузу, — но я за пять лет в Москве скопила достаточно. Он предлагает мне двадцать пять процентов. Контрольный пакет, конечно, у него, но мне без разницы. У меня будут свои клиенты, своя команда, свои люди в подчинении. И главное — мой профиль. Экономические преступления. То, в чём я реально разбираюсь.

Я замолчала. За столом повисла тишина — но не напряжённая, а какая-то... гордая, что ли. Папа смотрел на меня с плохо скрываемым восхищением. Катя прижала ладони к груди. А Денис — мой вечно скептический брат — вдруг широко улыбнулся и поднял стакан с соком, будто произносил тост.

— Двадцать пять процентов у Вяземского? Кирюха, да ты круче, чем я думал. Жму руку.

— Сначала завтрак, потом рукопожатия, — рассмеялась я, но в груди уже разгоралось тёплое, радостное предвкушение. Новая жизнь, о которой я мечтала все эти годы, начиналась. И начиналась она за этим самым столом. С этих самых людей. В моём доме.

Вечер догорал мягко, по-домашнему. Мы сидели у камина — того самого, старого, обожженного потрескавшимся кирпичом, — и пили чай. Огонь тихо потрескивал, отбрасывая на стены тёплые, пляшущие тени. Разговоры текли лениво, перескакивая с одного на другое: вспоминали детство, смеялись над какими-то дурацкими историями, строили планы. Уют. Настоящий, густой, как бабушкин плед.

Потом ребята засобирались. Объятия в дверях, шуточные «до завтра» и «не теряйся», гул отъезжающих машин за воротами. Дом постепенно затихал. Катя с папой ушли к себе, Сашка с Кириллом уложили своих и тоже скрылись в гостевой. А я, укачав Матвея в его новой, сказочной комнате — той самой, где с потолка светят звёзды, а кровать похожа на гоночный болид, — побрела к себе.

За пять лет дом изменился. Не внешне — стены те же, половицы скрипят так же, запах дерева и травы тот же, — но внутри, по сути. Денис съехал, теперь у него своя квартира в центре. Его комната, как и моя, осталась нетронутой — словно музейный экспонат, застывший во времени. Зато появились три детские. Три! От одной мысли об этом голова шла кругом. Дом, где раньше звучали наши с Дэном ссоры из-за пульта от телевизора, теперь наполнен топотом маленьких ног, смехом и бесконечными «мам, а почему?». Непривычно. Но как-то... правильно.

Я вошла в свою комнату, прикрыла за собой дверь — и наконец выдохнула. Та самая тишина, которой так не хватало весь день. Родные стены, родной запах, даже подушка лежит так же, как пять лет назад. Я опустилась на кровать, и пружины привычно скрипнули подо мной. Теперь можно дышать. По-настоящему.

Взяла телефон, машинально открыла чат с Лизой. Наши отношения — странные, запутанные, как нитка, которую пытались связать слишком много раз. Мы не перестали общаться. Просто общение стало... осторожным. С оглядкой. С невидимыми красными флажками, за которые нельзя заходить. Про Матвея она не знает. Тема моих прошлых отношений — табу. Даже намёк — и мы обе тут же переводим стрелки. Про её семью я тоже не спрашиваю. Знаю, что у неё сын, знаю, что муж — хороший человек, но дальше этого знания не иду. Не хочу знать. Не могу.

Она звала меня на свадьбу. Два года назад. Голос в трубке был такой радостный, такой звенящий, что я чуть не сломалась. Но сказала: «Прости, не смогу. Работа». Врала, конечно. Просто не могла оказаться в одном зале с человеком, который предал меня. Который растоптал. Который разбил на миллион осколков и даже не обернулся посмотреть, во что я превратилась.

Я смотрю на экран телефона. На аватарку Лизы — она там смеётся, счастливая, на фоне какого-то парка. И думаю: осколки прошлого не склеить. Можно только собрать их в кулак — до крови, до хруста — и построить из них что-то новое. Что-то своё. Без него. Без той боли. Без того, что могло бы быть, но не случилось.

Я откладываю телефон в сторону. Завтра трудный день. Завтра — деловая встреча. Завтра — первый кирпичик в мою новую жизнь. А сегодня... сегодня можно просто дышать. Дома.

Глава 4 Глеб Царёв

Вечерний город дышит июльской духотой. У входа в бар, где неоновая вывеска лениво подмигивает прохожим, я замечаю парней. Все в сборе: стоят, перешучиваются, настроение — хоть на экспорт. Ян что-то в лицах рассказывает, Макс ржёт в голос, Дам поглядывает на часы — видимо, уже прикидывает, во сколько сбежит к своим пелёнкам.

— О, Царёв, явился! — орёт Ян и хлопает меня по плечу так, что я едва не роняю телефон. — Бледный какой-то. Не кормили?

— Некогда было, — отмахиваюсь.

Мы заходим внутрь. Бар встречает нас приглушённым светом, гулом голосов и запахами — ох, этими запахами! Жареное мясо, чеснок, свежий хлеб, что-то копчёное. Желудок скручивает спазмом, и я только сейчас понимаю: я сегодня не ел. Вообще. Ни крошки. С утра — кофе, который я так и не допил, днём — бесконечная череда визитёров. Жена-фурия, брат-революционер, секретарша с её сочувствующими взглядами... Какая, к чёрту, еда?

Усаживаемся за наш столик — угловой, самый удобный. Парни тут же утыкаются в меню, горячо обсуждая достоинства рыбная перед бургером. Их голоса сливаются в привычный, успокаивающий шум, как фоновая музыка. А я сижу, верчу в пальцах зажигалку и смотрю куда-то сквозь стену. Мысли — не здесь. Мысли разбрелись по всему сегодняшнему дню, как осколки разбитой чашки: аэропорт, странное предчувствие, Яна с её безумной идеей о ребёнке, Влад с новостью... Слишком много для одного дня.

— Царёв! — голос Макса пробивается сквозь туман. — Ты вообще с нами? Мы тут, между прочим, решаем судьбу твоего ужина. Рыбай или бургер?

— На ваш вкус, — выдыхаю я, наконец фокусируя взгляд на друзьях. — Жрите, что хотите. Я за любой движ.

И откидываюсь на спинку дивана, пытаюсь выбросить из головы всё лишнее. Сегодня — просто бар. Просто парни. Просто вечер, когда можно не думать. Хотя бы пару часов. Хотя бы попытаться.

Я даже не стал спрашивать, что они там заказали из еды — узнаю, когда принесут. А вот по алкоголю сориентировался сразу.

— Вискарь, — бросил я официантке. — Бутылку. И даже не смотрите на меня так, у меня сегодня день, который нужно если не забыть, то хотя бы размыть по краям.

Официантка — молоденькая совсем, с косичкой и испуганными глазами — записала заказ и упорхнула. А парни... парни как по команде уставились на меня. В четыре пары глаз. Молча. Выжидающе.

— Что? — я аж поёжился под их сканирующим взглядом.

— В смысле — что?! — Ян аж подался вперёд, чуть не опрокинув локтем солонку. — Ты нас дёрнул среди недели, а это на тебя не похоже. Колись давай: что у тебя там случилось?

Я откинулся на спинку дивана, потёр подбородок — привычка, которая появляется всегда, когда нужно собрать разбегающиеся мысли в кучу. С чего начать? С Яны? С Влада? Или с этого странного, липкого ощущения, которое преследует меня с трапа самолёта?

— Хм, — усмехнулся невесело. — Значит так, меню на сегодня. Позиция первая: моя дражайшая супруга заявила, что наш брак спасёт ребёнок. Ребёнок, вы представляете? — я обвёл парней взглядом, в котором плескалась гремучая смесь злости и абсурда. — Я всю дорогу думаю: она с лестницы ебанулась, пока меня не было, или её любовник её как-то не так перетрахал, что у неё мозги окончательно спеклись?

Макс поперхнулся водой. Дамир молча прикрыл рот ладонью.

— Позиция вторая, — продолжил я, загибая палец, — брат. Сегодня ворвался ко мне в кабинет злой, как чёрт. Короче, послал отца и сваливает из семейного бизнеса. В свободное плавание. Вроде всё.

Я сделал паузу, взял стакан, который уже принесла вернувшаяся официантка, и сделал глоток — сначала один, потом сразу второй. Виски обжёг горло, но в груди не полегчало.

— А, нет. Не всё, — я поморщился, подбирая слова. — Есть ещё кое-что. С самого утра. С того момента, как самолёт сел. Какое-то поганое ощущение, вот здесь, — я постучал пальцем по груди. — Давит. Ноет. Будто что-то случилось. Или случится. А что именно — хоть убей, понять не могу. Но свербит, сука, свербит — не отпускает.

За столом повисла тишина. Парни переглянулись. Первым заговорил Дамир — спокойно, рассудительно, как всегда:

— Слушай, может, тебе просто отдохнуть надо? Командировка, нервы, Яна эта твоя...

— Да не в Яне дело, — отмахнулся я. — С ней всё давно ясно. Тут другое. Что-то витает в воздухе. И мне это, блять, не нравится.

Дальше всё пошло по накатанной: обычный мужской трёп — футбол, у кого какие сделки на носу, у Дамира мелкий начал ходить, у Макса Ангелина новую бизнес-идею вынашивает. Я даже выдохнул. Отпустило. Виски сделал своё дело — мысли перестали напоминать растревоженный улей, в груди потеплело. Я даже засмеялся над какой-то шуткой Яны. Кажется, про то, как он пытался приготовить ужин и чуть не спалил квартиру.

Нормально. Всё нормально. Бывает же просто хреновый день, правда?

И тут я замечаю краем глаза: Дамир дёрнулся. Телефон в его руке завибрировал, он глянул на экран — и замер. Лицо изменилось мгновенно. Словно кто-то невидимый стёр с него всё живое и оставил только застывшую маску. Он шумно втянул воздух и медленно отложил телефон экраном вниз.

Внутри у меня что-то ёкнуло — мерзко так, предчувствием.

— Что-то случилось? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Дам поднял на меня взгляд. И в этом взгляде было столько всего намешано, что у меня холодок пробежал по позвоночнику. Жалость? Осторожность? Страх? Он посмотрел на меня так, как смотрят на человека, которому сейчас снесут пол черепа выстрелом в упор, а ты стоишь и не можешь предупредить.

Он сглотнул. Громко. С трудом.

— Царь... — начал он глухо, и его голос прозвучал как скрежет тормозов за секунду до катастрофы. — Кажется, я знаю, что за чувство сегодня было у тебя в груди.

— Ну и? — я всё ещё ухмылялся. Дурак. — Просвети меня, раз такой умный.

Он выдохнул. И сказал. Всего два слова. Два гребаных, невозможных слова, от которых мир у меня под ногами раскололся надвое.

— Она вернулась.

Тишина. Оглушительная. Звонящая. Мир за пределами нашего столика исчез — не стало ни музыки, ни гула голосов, ни звона бокалов. Только эти два слова. Два гребаных слова, которые впечатались в мозг раскалённым клеймом.

Внутри у меня всё оборвалось. А потом — взорвалось.

Сердце сделало кульбит. Не метафорически — реально, до боли в рёбрах, до тёмных кругов перед глазами. Я сжал стакан с такой силой, что он треснул. Виски потёк по пальцам, смешиваясь с кровью из пореза — я даже не почувствовал. Перед глазами встала картинка: чёртов аэропорт, странное предчувствие, ноющая боль в груди. Вот оно что. Вот что это было.

— Какого хрена? — мой голос прозвучал чужим, севшим до шёпота. — Нахуя она вернулась?

Я перевёл взгляд на Дамира. Он молчал, но в его молчании было всё. Всё, что я не хотел знать.

Захотелось крушить. Встать, перевернуть этот чёртов стол, разбить о стену остатки стакана, заорать во всю глотку. Пять лет. Пять долбанных лет я заколачивал это дерьмо в подвал своей памяти. Пять лет убеждал себя, что мне всё равно. Что забыл. Что вытравил. И вот — пожалуйста. Два слова — и я снова стою на пепелище.

— Царь, успокойся... — начал было Ян, но осёкся под моим взглядом.

Я медленно разжал пальцы. Осколки стекла со звоном упали на стол. Кровь капала на скатерть, расползаясь алыми кляксами. Я смотрел на это и не чувствовал боли. Вообще ничего не чувствовал. Кроме одного: она вернулась. Девчонка, которая уничтожила меня пять лет назад. Девчонка, из-за которой я стал тем, кем стал. Вернулась в мой город. В мою жизнь. Зачем? Ответа не было.

Утро ворвалось в череп без спроса — резкое, безжалостное, как бормашина. Я разлепил веки и тут же пожалел об этом. Солнечный свет, пробивающийся сквозь неплотно задёрнутые шторы, резанул по глазам так, будто кто-то полоснул скальпелем.

Бля-я-я-ять.

Виски. Вчера была бутылка виски. И судя по тому, как мой организм сейчас посылает мне сигналы бедствия на всех частотах, этой бутылки было слишкомдохрена. Даже для меня. Даже для такого дерьмового дня, каким оказался вчерашний.

Я сел на кровати — точнее, попытался. Движение далось с трудом, голова гудела, как трансформаторная будка, во рту будто кошки устроили вечеринку и забыли убрать за собой. Херово. Очень херово. Но я хотя бы дома. Огляделся — спальня наша, простыни с моей стороны смяты в комок, со стороны Яны — идеально ровные. Значит, жена уже ушла. Отлично. Прекрасно, даже. Лучшая новость за последние сутки: не придётся с утра пораньше играть в «счастливую семью».

Спустив ноги на пол, я посидел минуту, собирая остатки себя в кучу. В голове эхом отдавались обрывки вчерашнего: виски, парни, тревога в груди... и два слова, от которых даже сейчас свело челюсть. «Она вернулась». Я мотнул головой — жест вышел дёрганым, злым. Нет. Не сейчас. Сначала — выжить.

По стеночке, практически наощупь, я добрался до ванной. Сдёрнул футболку, включил воду. Холодную. До упора. Ледяные иглы вонзились в кожу, перехватывая дыхание, выбивая из лёгких короткий, сдавленный выдох. Я упёрся ладонями в кафель и замер, позволяя воде смывать остатки сна, похмелья и этого проклятого вчерашнего дня.

Прийти в себя. Собраться. Думать.

Из душа я вышел уже почти человеком. Почти. Голова всё ещё гудела, но ледяная вода сделала своё дело: туман рассеялся, осталась только глухая, привычная усталость. Наскоро вытеревшись, я поплёлся в гардеробную — ноги двигались на автомате, но тело требовало привычного ритуала. Чистый, отглаженный костюм. Свежая рубашка. Запонки. До блеска начищенные ботинки. Внешняя оболочка, за которой можно спрятать любой внутренний шторм.

Спустился вниз. В столовой меня уже ждал завтрак: идеальная яичница-глазунья, тосты, свежавыжатый сок и кофе — чёрный, крепкий, именно такой, каким я его люблю по утрам. Наталья Игоревна — просто кудесница. Единственный человек в этом доме, который знает меня и мои привычки. Пусть и только в еде, но, положив руку на сердце, большего мне от этого дома и не надо.

Я опустился на стул, развернул салфетку и только потянулся к чашке, как из кухни выплыла сама Наталья Игоревна. Всегда собранная, с безупречным пучком на затылке и спокойным, достоинским выражением лица.

— Доброе утро, Наталья Игоревна, — кивнул я. — Давно супруга моя ушла?

Она чуть сбилась с шага. На секунду. Но я заметил.

— Доброе утро, Глеб Валентинович... А я её со вчерашнего дня не видела.

Моя рука замерла на полпути. Чашка медленно, очень медленно опустилась обратно на блюдце. Я повернул голову к женщине и уставился на неё, стараясь переварить услышанное.

— То есть как — не видела?

— Ну... — она аккуратно поправила край полотенца, — так и не видела. Вчера вечером её не было, ночью не приезжала. И утром тоже.

Я свёл брови. В груди неприятно кольнуло — не от ревности, нет, с этой эмоцией я давно распрощался. Скорее от ощущения, что меня опять держат за идиота.

— И часто она не ночует дома? — спросил я ровно.

— Да вроде не припомню... Но вот в вашу командировку её дома точно не было. Вообще ни разу.

Я шумно втянул воздух. Заебись. Просто заебись. Значит, пока я мотался по делам, моя благоверная даже не считала нужным ночевать в нашем «семейном гнездышке». А мне, выходит, никто об этом не сообщил. Охрана, мать её, профессионалы.

— Хорошо, спасибо, Наталья Игоревна, — выдавил я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Всё, как всегда, очень вкусно. Если супруга объявится — передайте, что я уехал в офис.

Я поднялся из-за стола, залпом допил кофе. Горячий напиток обжёг горло, растёкся по венам, возвращая хоть какую-то ясность. Хорошо. Даже слишком.

Уже на ходу достал телефон и мысленно поставил жирную галочку: позвонить охране. Нет — не позвонить. Вызвать. Лично. И спросить, какого хрена они не доложили, что моя драгоценная супруга ночует неизвестно где, пока я в отъезде. И пусть только попробуют заикнуться, что «не посчитали нужным». С них тогда не то что премии — скальпы снимать буду.

Я сел в машину, коротко кивнул водителю и первым делом потянулся за ноутбуком. Рабочий день, судя по ежедневнику, обещал быть не просто насыщенным — зверски длинным. Встреча с заказчиком, совещание, созвон с новым клиентом, выезд на объект, а под занавес — ещё и randevu с дизайнерами, у которых, как всегда, миллион правок и ноль конкретики. День обещал тянуться бесконечно, как жеваная резинка, но, с другой стороны, это даже к лучшему. Некогда будет думать о всяком.

В дороге я немного поработал: добил вчерашние договоры, прошёлся по свежим правкам, изучил повестку совещания, чтобы хотя бы понимать, из-за чего весь сыр-бор. Мысли понемногу возвращались в рабочее русло — спасительный, привычный поток цифр, пунктов и подписей.

Когда машина зарулила на подземный паркинг офисного центра, я захлопнул ноутбук, сунул его в портфель и вышел. Шаги по бетону отражались гулко, как выстрелы. Голова всё ещё туго соображала после вчерашнего, но хотя бы не кружилась.

В кабинете меня уже ждала дымящаяся чашка кофе. Ирина Анатольевна, как всегда, знала всё наперёд. Я сделал глоток — терпко, обжигающе, — и только собрался сесть, как раздался стук.

— Глеб Валентинович, к вам посетитель, — сообщила секретарь.

— Кто? — бросил я, не поднимая глаз от документов.

— Ваш отец.

Я застыл. Чашка в руке медленно опустилась на стол. Да твою ж мать... Ну конечно. День начался так «хорошо», что без визита отца просто не мог обойтись. Сейчас опять начнёт: «Глеб, мне нужны наследники», «Глеб, сколько можно тянуть», «Глеб, твоя жена — хорошая партия, не будь дураком». Будто у него в голове не сын, а племенной жеребец. Интересно, он вообще понимает, с кем меня связал? Понимает, что я не притронуся к Яне пальцем? Что скорее отрежу себе руку, чем позволю ей родить от меня ребёнка?

Я сжал челюсть до хруста.

Детей я хотел. Да. Когда-то. Только от одной-единственной девочки. От той самой, которая смотрела на меня своими голубыми, как ясное небо, глазами и клялась в любви. От той, что оказалась лживой, двуличной, предательской до мозга костей. От той, чьё имя до сих пор нельзя произносить вслух, потому что это всё равно что трогать незаживающую рану.

Она вернулась. Эта мысль врезалась в сознание, как пуля в бронежилет: не убила, но заставила пошатнуться.

Я выдохнул, одёрнул рукав пиджака и придал лицу максимально холодное, непробиваемое выражение.

— Пусть войдёт, — произнёс я таким тоном, будто приглашал в кабинет не отца, а очередного просителя с неудобным делом. — Послушаем, с чем на этот раз пожаловал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.